

Летучий Голландец

В давние детские годы над столом, за которым я делал уроки, висела географическая карта. Там был весь мир – от края и до края. Задумавшись над какой-нибудь задачей, я бродил взглядом по далеким континентам, неприступным горным вершинам и безжизненным пустыням. И не такими уж недосыгаемыми казались они мне тогда: вот – стоит только руку протянуть...

Однажды учительница географии рассказала нам, как в студенческие годы побывала в Кейптауне, у мыса Доброй Надежды. Ей посчастливилось оказаться в составе какой-то экспедиции на теплоходе, который шел вокруг Африки. Она так интересно говорила, что я потом долго не мог забыть этот рассказ: синий океан, жаркое солнце, скалистые утесы, возвышающиеся над морем, ... и дома, спускающиеся с окрестных гор к самой воде, словно усталое стадо на водопой.

После этого урока мысленные путешествия по карте стали чаще приводить мой взгляд к южной оконечности Африки – туда, где сходятся два океана. Мне казалось, что такое место не может быть обыкновенным. Что-то сказочное, таинственное должно было непременно быть связано с линией, где сливаются столь разные водные стихии. Мыс Доброй Надежды и впрямь окутан легендами – ведь именно здесь затонул бриг капитана Хендрика Ван дер Декена, ставший вечным морским скитальцем, призраком по имени «Летучий Голландец», встречи с которым моряки боятся и по сей день.

Так родилась моя мечта – мечта о том удивительном и загадочном месте, где один океан соединяется с другим, где море уходит за горизонт, за которым уже нет ничего, где находится тот самый край света. Эта мечта была столь же необычна, как и ее предмет. Ну конечно – я был бы счастлив оказаться там – на краю света, но не это было главным. Я вовсе не строил планов, которые можно было бы осуществить. Пожалуй, это была даже не мечта, а фантазии, грёзы. Перед мысленным взором моим возникали картины из прочитанных книг, дополненные и дорисованные воображением.

...Соленый ветер, свистящий в потрепанных снастях, бросает ледяные брызги в изможденное лицо капитана. Он сделал уже семь попыток обогнуть этот проклятый мыс, но все они были тщетными. Каждый раз казалось, что всё – еще несколько галсов, и самое страшное останется позади. Но ветер снова рвал паруса, огромные волны грозили перевернуть бриг, и опять приходилось поворачивать назад. Недаром этот мыс прозван Мысом Бурь.

Хватаясь обеими руками за поручни, на мостик поднялся старший помощник. Полы насквозь мокрого суконного плаща, в который он кутался, неистово трепал ветер. Сгорбленный, словно глубокий старик, с дрожащими от болезни губами стоял он перед своим капитаном.

– Хендрик ... Господин капитан, в трюме течь, грот-мачта дала трещину...

– Заделать! – резко оборвал его капитан, кинув взгляд, полный жалости и презрения.

Помощник поднял было глаза, но тут же опустил их, встретившись с холодным, отрешенным взором капитана.

– Капитан, команда ненадежна. Могут взбунтоваться.

– Что!?! Зачинщиков – повесить! Нет, лучше за борт их, за борт, туда – к дьяволу! – он махнул рукой в сторону правого борта. Бриг подняло на гребень волны и швырнуло вниз, как в

бездонную пропасть. Налетевший вал прокатился по палубе, смывая в пучину все, что плохо держалось. Когда вода схлынула, капитан схватил и сжал в кулак ворот плаща своего помощника. Притянув его лицо к себе, он несколько мгновений смотрел на помощника в упор. Огонь безумия светился в глазах капитана.

– У меня на борту пряности и шелк. Я поклялся доставить их в срок. Я – капитан Ван дер Декен, который слов на ветер не бросает. Я – капитан Ван дер Декен, который никогда не отступал и не отступит. Я обогну этот чертов мыс, чего бы мне это ни стоило! – он разжал кулак и помощник, не удержав равновесия, рухнул к его ногам.

– Будь я проклят! Я все равно пройду в Атлантику, даже если придется для этого отдать душу дьяволу, – гневно продолжил капитан и с вызовом бросил взгляд вверх. – Даже если придется ходить тут до Второго Пришествия!

Будто услышав эти его слова, небо расколосось чудовищным раскатом грома. Три молнии сверкнули одновременно. И вдруг наступила тишина. Казалось – даже ветер стих. Посмотрев на помощника, который стоял на коленях, пытаясь подняться, капитан увидел на лице его ужас. Дрожащей рукой он показывал за спину капитана и пытался что-то сказать, но губы его сковала гримаса страха. Обернувшись, капитан замер. Почти беззвучно на них надвигалась волна таких размеров, что рядом с ней бриг выглядел скорлупкой расколотого ореха. Не в силах произнести даже проклятия, капитан Ван дер Декен, как зачарованный, не отрывал глаз от неумолимо приближавшейся водяной горы, пока она не поглотила его вместе с кораблем...

Сгинув в пучине у Мыса Бурь, как в ту пору именовался Мыс Доброй Надежды, непокорный бриг вернулся легендарным призраком, наводящим ужас на моряков. Страшные проклятия и самоуверенная гордыня капитана обрекли его корабль на вечные скитания по морям и океанам. Чаще всего он бывал замечен все там же – вблизи зловещего Мыса Бурь. И горе тому, кто его увидит! Редко кому удавалось уцелеть после такой встречи. Одним из таких «счастливых» был юный гардемарин принц Георг – будущий король Британской империи. Наверное, он остался жив лишь потому, что не первым заметил «Голландца». А вот вперёдсмотрящему и вахтенному офицеру, оповестившим всех о приближении загадочного брига, избежать печальной участи не удалось. Матрос погиб на следующий день, сорвавшись с мачты, а офицер вскоре заболел и умер.

Говорят, «Летучий Голландец» обычно появляется из тумана. Он идет против ветра – весь черный, озаренный багрово-красным свечением. Несчастные, видевшие его, могли разглядеть все снасти и мелкие предметы на палубе. Словно зачарованные, они не могли оторвать взгляда от корабля, на котором не было людей.

Считается, что встречи с этим вестником смерти происходят не случайно. Он посылается тому, чья душа запятнана гордыней и тщеславием, кто готов идти к своей цели напролом, готов жертвовать не только собой, но и другими, ради исполнения своих желаний.

Тогда, в далеком детстве, зародившаяся в моей душе мечта о таинственном Мысе Бурь была наивной, но по-детски настоящей. Взрослые не умеют так верить ни в сказки, ни в легенды, ни в то, что даже самое невероятное может когда-нибудь осуществиться. Не отягощенный житейским опытом, я не видел препятствий к тому, чтобы в будущем попасть туда – на край света. Вот ведь он, здесь – на нашей земле, а не на другой планете. Можно и расстояние измерить – а оно даже чуть меньше, чем протяженность нашей страны с запада на восток.

С годами я понял, как в действительности далеки от моего сибирского города были все эти горы и острова, по которым я путешествовал, глядя на карту. И дело было даже не в расстоянии, а в той атмосфере, в которой мы тогда жили. Каждый из нас ехал по своим рельсам – кто в мягком вагоне курьерского поезда, кто в купе или плацкарте, а большинство, к которому принадлежал и я, тряслось в «теплушках» товарняка. Вся жизнь была расписана

наперед, словно на табло железнодорожного вокзала. К тому времени у меня возникла уверенность, например, в том, что у меня никогда не будет машины, не будет дома с садом, и, конечно же, в том, что я никогда не побываю за границей. Но мечта о Мысе Доброй Надежды все равно не умерла. Просто из разряда наивных и настоящих она перешла в категорию неосуществимых фантазий.

Впрочем, это было, наверное, правильно. Ведь нельзя, чтобы мечта становилась всепоглощающей страстью, осуществить которую ты стремишься во что бы то ни стало, как делал это капитан «Летучего Голландца». Однажды в автобусе я случайно услышал разговор двух пассажиров. Один рассказывал другому о своем соседе, который мечтал купить машину. Это было в те советские времена, когда автомобиль был «не роскошью, а средством передвижения». Так вот: он вместе с семьей несколько лет сидел на хлебе и воде, скопил необходимую сумму и, наконец, осуществил свою мечту. Гаража у него еще не было, поэтому он оставил машину под окном. Несколько раз среди ночи он просыпался и выглядывал в окно – любовался своим сокровищем. Проснувшись утром, он первым делом бросился к окну. Каков же был его ужас – машины на месте не было. Ее так и не нашли. Более того: он еще не успел даже оформить документы на нее, не говоря уж о страховке. После этого трагического случая жизнь его надломилась. Он перестал разговаривать с людьми, сделался рассеянным, ходил, словно призрак – совсем, как «Летучий Голландец».

Я предавался грёзам, которые согревали душу в минуты печали или отчаяния, и искал «добрую надежду» в мечтах о месте, ставшем недостижимо далеким. Вопреки всякой логике, где-то глубоко, глубоко в душе все же теплилась мысль, что я там когда-нибудь побываю. С возрастом эта надежда постепенно угасала. После тридцати пришло ощущение, что многое для меня теперь уже поздно, что выбор жизненной колеи сделан и с нее не свернуть: не поменять профессию, не уехать в другой город, не попасть в морскую экспедицию Теперь, с высоты моих нынешних лет, я могу только улыбнуться наивности подобных переживаний молодого человека, но тогда всё это меня по-настоящему печалило. С каждым следующим днем рождения моя мечта становилась все более призрачной.

Потом, когда пришла «свобода», все далекие моря и острова стали как будто ближе. Во всяком случае, исчезли многие барьеры, доселе отгораживавшие нас от всего остального мира. Свобода эта, однако, оказалась условной: путь открыт, но рельсы, по которым мы ехали, вдруг кончились. Простому научному сотруднику, каким был я, недоставало денег даже на то, чтобы съездить в соседний город, не говоря уже о дальних странах. С моим мечтательным характером я не имел ни желания, ни сил вливаться в армию деловых людей, которые прокладывали свои собственные рельсы. Поэтому я смирился с призрачностью и нереальностью своей мечты о далеком Мысе Бурь, где два океана, сливаясь, омывают край света.

Смирение – это, наверное, как раз то, что от нас требуется, чтобы сокровенные благие желания наши осуществлялись. Случилось так, что по научной работе я пересекся с коллегами из Претории, которые пригласили меня с визитом в свой университет. После нескольких таких поездок мне предложили постоянную работу в этом университете. И вот я оказался там – почти на краю света. От Претории до Мыса Доброй Надежды довольно далеко – более тысячи километров, но это расстояние вполне осязаемо и преодолимо. Моя мечта вновь стала настоящей и реальной, как в детстве.

Смирению приняв свою судьбу, я получил то, что до этого представлялось невозможным, да и необязательным: вдруг оказался за границей, жил в доме с садом и ездил на собственной машине. Мысли о том месте, где сходятся два океана, конечно же, стали посещать меня чаще. Но прошло еще десять лет, прежде, чем я, наконец, побывал там. За эти десять лет я даже несколько раз ездил по делам в Кейптаун, но до Мыса Доброй Надежды, который южнее

города на шестьдесят километров, так и не добрался. Этот таинственный мыс отступал от меня, как линия горизонта: кажется, вот-вот за пригорком откроется море, но там опять лишь бегущие вдаль холмы.

Возможно, это было десятилетнее испытание моему смирению. Прошел я его, наверное, успешно, потому что поездка на отдых в Кейптаун, когда мы с семьей, наконец, смогли себе это позволить, оказалась просто чудесной. Нам везде сопутствовала удача: и с людьми, которые там встречались, и с погодой. Из всего, что есть замечательного в этом удивительном городе и вокруг него, мне, конечно же, больше всего хотелось увидеть Мыс. Но я смирил свое желание еще на три дня. Сделано это было не намеренно – просто так сложились обстоятельства.

И вот этот день настал. Мы ехали на юг по восточному берегу полуострова. По пути заезжали в маленькие городки, о которых я когда-то читал в одном из романов Агаты Кристи; видели колонию пингвинов, мирно соседствующих с военно-морской базой, и еще много чего интересного и удивительного. Километров за двадцать до своей южной оконечности полуостров заметно преобразился. Территория эта заповедная – жилья там нет, да и выглядит она, как тундра. Виной тому суровые ветра, дующие здесь, у Мыса Бурь, большую часть года. Поразительно, но, словно специально для нас, ветра в тот день не было вовсе, а с безоблачного синего неба ослепительно светило солнце.

В душе моей творилось что-то необъяснимое. Я ли это? Может быть, всё вокруг – просто сон? И в то же время я был совершенно спокоен, как будто ехал на дачу под Москвой. Даже не возникало желания надавить педаль газа, чтобы поскорее оказаться там, куда мечтал попасть столько лет. А может быть, я подсознательно боялся попасть туда и оттягивал время? Там ведь мечта моя осуществится, перестанет быть мечтой и просто исчезнет!

Так или иначе, но мы свернули с дороги и заехали к двум каменным крестам, которые поставлены в память о мореплавателях-первопроходцах: Бартоломео Диаше и Васко да Гама. Эти кресты в совсем еще недавнем прошлом использовались моряками, как навигационные ориентиры.

И вот, наконец, мы почти у цели. Как оказалось, полуостров здесь разделяется на две части, подобно языку змеи: восточный выступ называется Кейп Пойнт, а вот западный и есть тот самый Мыс Доброй Надежды. Мы стояли у развилки дорог, ведущих к ним. Обернувшись назад, можно было увидеть сразу два океана: слева холодная Атлантика, а справа теплые воды Индийского. Разделяющий их полуостров в этом месте узок и возвышается над водой метров на сто.

Поколебавшись немного, мы решили ехать сначала на Кейп Пойнт. Этот мыс выдается в океан чуть дальше – всего с полкилометра, но выглядит гораздо более величественно в сравнении со знаменитым Мысом Доброй Надежды. Скалистые утесы его обрываются к воде почти отвесно с высоты в триста-четыре метра, а на самой высшей точке стоит морской маяк со смотровой площадкой, куда и стекаются все туристы.

Оставив машину, мы тоже направились в сторону маяка. Удивительно, но я все еще не испытывал душевного трепета, словно всё это происходило во сне или в кино. К маяку можно было подняться пешком по довольно крутой извилистой дорожке или на фуникулере – дизельном трамвайчике, который карабкается на кручу, цепляясь за стальной трос. Взглянув на трамвай, я вздрогнул и впервые с начала этого путешествия ощутил волнение – трамвайчик назывался «Летучий Голландец». Трудно, наверное, отыскать человека, который был бы напрочь лишен суеверий, хотя бы подсознательных. Во всяком случае, я к такому не отношусь. Будь я один, я скорее предпочел бы подниматься на гору пешком, чем вступать на борт «Летучего Голландца», пусть даже и символического. Но заставлять жену и дочерей идти пешком под палящим солнцем я не стал, да и выглядеть смешным не хотелось. Поэтому,

скрепя сердце, я шагнул в двери вагончика со столь таинственным и зловещим названием на борту.

Смотровая площадка вокруг маяка была полна людей, говорящих, казалось, на всех языках мира. Стайка вездесущих японцев фотографировала друг друга, белокурые викинги подставляли свои оголенные до пояса тела безжалостному африканскому солнцу, чопорные немцы с бесстрастными лицами вполголоса обменивались впечатлениями... Я стоял среди этой толпы и думал: «Есть ли среди них хоть один, кто стремился сюда так же, как я, кто ждал этого мгновения столько долгих лет? Наверное – нет. Для них это просто одно из чудес света, как Эйфелева башня или Египетские пирамиды, где я тоже побывал и так же, как эти люди, не испытывал особого трепета в душе.»

От маяка можно было смотреть во все стороны. Там, позади, в туманной дымке остался Кейптаун, к нему уходит полуостров, на самой оконечности которого стоял я. Впереди – бескрайний океан, за которым только Антарктида. А справа и чуть сзади – Мыс Доброй Надежды. Вот теперь уж точно только рукой подать! С высоты, на которую мы поднялись, он казался плоским и невзрачным, с невысоким холмом на конце, но это ничуть не умаляло его в моем сознании. Я смотрел на него и пытался представить, что могли чувствовать моряки, первыми пришедшие сюда на своих утлых парусниках.

Небольшой залив между мысами Доброй Надежды и Кейп Пойнт был необычайно красив своей изумрудно-голубой водой с белыми барашками прибоя, набегаящими на песчаный берег. В бинокль можно было разглядеть стайки рыб и одинокого тюленя, резвящегося в волнах. Красота этого залива была, однако, холодной и недружелюбной. Ледяная вода его заставляла ёжиться даже от одного взгляда на нее. Оказавшись здесь, на краю света, без карты и тех знаний о мире, которыми мы владеем теперь, первые мореходы должны были обладать недюжиной отвагой и целеустремленностью, чтобы не повернуть в страхе назад. Даже сейчас, при полном безветрии, скалистые утесы выглядели величественно и надменно. Сколь пугающими должны они становиться даже в небольшой шторм!

Поглощенный такими мыслями, я поднял взгляд от воды, что плескалась далеко внизу подо мной, к оконечности Мыса Доброй Надежды и содрогнулся: из-за него медленно выходил черный силуэт корабля в ореоле багрового света. Внутри у меня всё похолодело. Первая мысль, которая возникла в лихорадочном сознании, была: «Ну, вот и все! – Черная метка. Это за то, что я так хотел попасть сюда. Вот он – «Летучий Голландец», вестник несчастий, и я заметил его первым.» В следующее мгновение я готов был истерически рассмеяться. То, что я принял за зловещий корабль-призрак, было простым рыбацким сейнером, каких мы видели великое множество и в Кейптаунском порту, и по всему побережью. Солнечные блики от воды, ослепившие меня, да воспаленное эмоциями воображение сыграли со мной эту злую шутку.

Маяк, у которого мы стояли, на самом-то деле уже давно не действует. Поставленный на самой высшей точке мыса, он оказался бесполезным во время тумана или низких облаков, скрывавших его свет от тех, кому он предназначался. После нескольких кораблекрушений, случившихся по этой причине, построили другой маяк – почти на самом конце мыса Кейп Пойнт, что выдается вперед еще на несколько сот метров и лежит гораздо ниже. Там тоже есть смотровая площадка, но лишь немногие туристы спускаются туда – к настоящему краю света. Туда не ходит фуникулёр, а узкая тропинка идет по краю пропасти, обрывающейся в океанскую пучину.

После десятилетий безнадежных мечтаний подобные неудобства, конечно же, не могли остановить меня. Вот оно – то самое место, которое я так много раз рисовал в своем воображении. Последние сотни метров я преодолел с трепетом, даже не обращая внимания на

то, что шел по краю пропасти, где на некоторых участках каменистой тропы отсутствовали ограждения.

Достигнув, наконец, самого края, я долго стоял, всматриваясь вдаль. Я не сумел бы объяснить, что хотел увидеть в синей дымке, где небо сливается с морем. Возникло непреодолимое желание расправить руки, как крылья. Я стоял на самом краю земли, словно на носу несущегося вперед парусника.

Прямо от мыса к горизонту уходила извилистая линия, похожая на кильватерный след корабля. Это два течения, спускающиеся вниз вдоль Африканского континента, встречаются здесь. Из Атлантики, вдоль ее западного берега, идет холодное течение, а с другой стороны Индийский океан приносит свои теплые воды. Вот она та самая, совсем не таинственная, а вполне реальная, линия, по которой разделены эти два океана. И пусть гидрографы не так давно постановили, что этот водораздел расположен чуть восточнее – у мыса Игольный, я, как и большинство людей, все равно буду считать, что океаны соединяются именно здесь – у этого маяка. Я видел эту линию своими глазами.

Мы были там одни. Тишина не нарушалась ни гомоном японцев, ни даже криками чаек. До моего слуха доносился лишь едва различимый рокот корабельного двигателя. Посмотрев вниз, я увидел тот самый сейнер, который незадолго до того принял за «Летучего Голландца». Огибая мыс, он шел из Атлантического в Индийский океан. Та будничность, обыденность, с которой он это делал, вернула меня к реальности. Я многие годы представлял себе место, где сходятся океаны, в романтических фантазиях, а сейнер, может быть, пересекает эту линию каждый день, как пешеходы переходят дорогу в большом городе.

Я вдруг остро почувствовал, что мечта моя осуществилась и кончилась, словно погас огонек маяка, который согревал душу. Мне стало необыкновенно грустно. Уходить не хотелось. Словно цепляясь за остатки своей мечты, я тянул время. Первый же шаг назад будет означать, что все осталось в прошлом. Вспомнив, что не побывал еще на Мысе Доброй Надежды, я, наконец, решил на этот шаг.

На этот знаменитый, но, как оказалось, мало примечательный мыс мы приехали спустя час. Там был только знак с названием и точными географическими координатами. Эмоции, кажется, были уже все растрочены. Я понял, что в действительности всю жизнь мечтал не об этом знаке, а о крае света, который там – у маяка на Кейп Пойнт. Зато здесь, на Мысе Доброй Надежды, можно было подойти к самой воде и опустить в нее руки. Вода была ужасно холодной – почти как в Байкале.

В Кейптаун мы вернулись, когда уже стемнело. Я почти всю дорогу молчал. Дочери, утомленные дорогой и переполненные впечатлениями, уснули на заднем сиденье. Жена, сидевшая рядом, сначала говорила со мной, но вскоре, видимо, догадалась о том, что творилось в моей душе, и тоже хранила молчание.

За ужином мы открыли бутылку местного вина с символическим названием «Два Океана». Я взял бокал и сказал: «Мечта – это как свет маяка во время ночного шторма. Суденьшко наше бросает вверх и вниз, огромные волны накрывают его, и кажется, что всё – конец. Но вот волна схлынула, и там, вдали, мы видим мерцающий из-за брызг огонек. Он согревает сердце, захолонувшее от студеного ветра и страха. Там земля, там нас ждут, и мы обязательно туда доберемся. Я поднимаю этот бокал за то, чтобы у каждого из нас была мечта – пусть даже самая несбыточная!... А еще за то, чтобы, наконец, было снято заклятие с несчастного бедолаги Летучего Голландца.»

Претория, 2008